Четверг. Терапия-обычно единственное, чем я занималась по четвергам. Сегодня я мыла бутылочки, менял подгузники, приводил в порядок одежду, одеяла и игрушки, пытаясь понять, как, черт возьми, я попала в эту ситуацию и как мне теперь выбраться. Я все еще не охотилась, и Уилл не отвечал на телефонные звонки последние три раза, когда я звонила. Мне нужен был кто-то, чтобы присмотреть за ребенком, но никого не было.

Вчера спасение Хамфри казалось ей хорошим, единственным выходом. Теперь я могла слышать, что сказала бы моя мать, если бы она была здесь, а не на кухне во Флориде, крича на моего отца, чтобы он оставил эту чертову лодку в покое и пришел вынести мусор. Он постоянно включал радио в гараже.

Она говорила: "Энни, дорогая, у тебя никогда не было хомяка, который прожил бы неделю. Из-за тебя у меня даже комнатных растений нет."

За исключением того, что через двадцать лет она наверняка купила несколько комнатных растений. Возможно, не в первый год, но после пяти она поняла, что я, возможно, не вернусь. Если бы ей это удалось, у нее на ногах выросли бы виноградные лозы. Теперь у нее не было ни малейшего шанса вернуться назад. Даже если бы я думала, что они поймут, что произошло, почему их дочь не изменилась с того дня, как исчезла из своей квартиры над гаражом, я бы не вернулась. Я хотела, чтобы у нее были свои растения.

У Инес, наверное, тоже появились новые растения. Я очень на это надеялась.

Хамфри лежал на одеяле на полу, окруженный игрушками, к которым не прикасался. Он уставился в потолок.

Я не знала, что еще делать с Хамфри в тот вечер, поэтому взяла его с собой в кабинет доктора Пэрриша.

- Извини, - сказала я, входя. Жажда сделала мое горло сухим и его покалывало, как будто я нуждался в кашель.

Доктор Пэрриш поднял голову, но его взгляд лишь на мгновение переместился с моего лица на маленький сверток в моих руках. -Ну, а это кто?- спросил он. Я села, и доктор Пэрриш наклонился вперед, чтобы заглянуть под одеяло.

-Его зовут Хамфри, - сказала я. - Его усыновили мои друзья, и они не смогли...не смогли продолжать заботиться о нем."

Доктор Пэрриш откинулся назад, сжимая в руках карандаш и блокнот. Он осмотрел меня, и я подумал, что мы с Хамфри, вероятно, составляли интересную картину. Печальный, одинокий вампир и крошечная сиротка.

- Ты не можешь просто взять опеку над чужим ребенком, Энни.- Но я знала, что он на самом деле имел в виду: в твоем нестабильном состоянии нельзя опекать ребенка.

-Они его кусали, - сказал я. -А что я должна была сделать, просто оставить его там? Кроме того, с нами все будет в порядке. Я думаю, что моя самая большая проблема может заключаться в том, чтобы найти кого-то хорошего, чтобы заботиться о нем, пока я...пока меня нет.- Разговор об охоте в этот момент показался мне не самой лучшей идеей.

-Они его кусали, - повторил доктор Пэрриш. Он уставился на Хамфри. - Энни, ты должна позволить социальным службам."

- Я сделаю это, когда заживут следы от укусов. Это просто слишком большой риск, отдавать ребенка со следами вампирских зубов по всему телу. А что, если они начнут расследование?"

- Следы зубов вампира, - повторил он. Он покачал головой, вздохнул и сменил позу—каждый символ раздражения, который он мог втиснуть в это пятисекундное молчание. - Это не игра, Энни, - сказал он. -Я думаю, ты должна позволить мне взять ребенка."

Я не хотела, чтобы мои руки сжимали Хамфри, почти прижимая его к груди, но они все равно это делали, и доктор Пэрриш видел это.

Я должна была доказать ему это.

-Я должна это доказать, - сказала я. Он ничего не поймет.

Он еще глубже погрузился в кресло.

"Расслабься. Я не собираюсь тебя кусать. Я посмотрела на Хамфри и заставила себя придумать план. Мне хотелось, чтобы зеркала не отражали мое лицо, хотелось иметь втянутые клыки, или отвращение к чесноку, или любое из тысячи суеверий, которые могли бы облегчить этот тест.

- Посмотрите на мою кожу, - сказала Я доктору Пэрришу. - Никаких изъянов. Никакого загара. Посмотрите на мои запястья. Пульса нет."

Я переложила Хамфри на одну руку, а другую протянул доктору Пэрришу. Он не пошевелился.

Я была близка к тому, чтобы напасть на него. Я подумала о том, чтобы прижать его голову к своей груди и спросить, слышит ли он там биение сердца, но вместо этого снова протянула ему свое запястье, поднеся его к лицу, как будто ожидала, что он увидит отсутствие пульса.

Он не прикоснется ко мне. У психологов, видимо, есть правила на этот счет.

Доказательство. Доказательство.

Я встала, все еще держа Хамфри на руках, подошла к столу доктора Пэрриша и схватила крошечное пирамидальное пресс-папье со стола доктора Пэрриша.

- Сталь?- Спросил я.

-Да, - сказал он, - думаю, что да.- Он полуобернулся в кресле, наблюдая за мной.

Я прижала пресс-папье к щеке. Он покалывал мое лицо и кончики пальцев, сначала покалывал, потом обжигал. Я уставилась на доктора Пэрриша, который выглядел смущенным, пока я не опустила пирамидку обратно на его стол.

Затем он увидел треугольник обуглившейся кожи у моего рта и почерневшие пальцы, которые я подняла, чтобы он увидел.

Его лицо побелело. Казалось, он вскочил на ноги быстрым, сосредоточенным движением. Он схватил мою свободную от Хамфри руку, посмотрел на ожоги на пальцах, затем ощупал запястье. Он ощупал его обеими руками, ощупал со всех сторон. Затем он положил руку мне на горло, жест, который испугал бы меня как человека, но как вампир, я знала, что он не мог сделать ничего рукой, что причинило бы мне сильную боль.

Мне потребовалась секунда, чтобы понять, что он не собирается выкрикивать мне библейские стихи. Там он тоже нащупал пульс, а потом просто стоял, держась рукой за мое горло, и смотрел, как обугленный треугольник на моей щеке краснеет от заживления и начинает исчезать. Это займет несколько часов, чтобы исчезнуть-ничего похожего на мгновенное исцеление в фильмах, но все равно чертовски не правдоподобно.

Треугольник горел, но я бы перерезал себе горло, чтобы дать ему доказательство сегодня.

Хамфри пошевелился во сне, слабо повернув голову.

Доктор Пэрриш отпустил мое горло и попятился назад, пока не оказался напротив меня.

- Черт, - сказал он. "Дерьмо.- Он начал задыхаться. - Здесь нет вампиров, - выдохнул он.

- Я укушу вас, чтобы доказать это, если понадобится, доктор Пэрриш, - сказала я с дрожащей улыбкой.

Прошло несколько минут, мы оба слушали журчание фонтана на столе, но теперь он звучал так, будто кто-то тонет.

-Все, что ты мне сказала, - сказал он наконец, но не смог закончить. Он то смотрел на меня, то отводил взгляд.

Может быть, легче поверить, если ты живешь этим. Может быть, есть что-то в этом превращении, в первой жажде, в первом убийстве, в отчаянной попытке найти ответ, что заставляет вампира поверить в это. Некоторые из нас, не Китс, но некоторые из нас, верят в это быстро, потому что это единственный ответ. Что-то в нас знает это.

Но как может человек, даже с книгами о толковании снов и романами Стивена Кинга, поверить в это? Где может укорениться ответ, если нет веры, которая уже расцветает внутри?

- Садись, - сказал я. - Я не причиню тебе вреда, идиот."

Он повиновался, откинувшись на спинку стула тем же быстрым шагом, что и раньше. Блокнот лежал на полу у его ног. Он не потянулся за ним.

Интересно, будет ли он после этого так же относиться к своему Блокноту? Он все записал, и я подумал, что он должен получить ответы там, просматривая все свои страницы после того, как он запер дверь на ночь.

Но его записная книжка никогда не говорила ему, что истории, рассказанные этим бредовым пациентом, не были бредом.

Я снова села в кресло напротив него.

Он очень старался не вздрогнуть, когда встретился со мной взглядом. Затем он снова посмотрел на Хамфри. - Ты должна отдать мне ребенка, Энни, - сказал он.

- Что?"

-Ты не можешь заботиться о ребенке."

-Но я должна, - запротестовала я с нервным смешком. Мне не хотелось смеяться. Это казалось самой нелепой вещью в мире, но я сделала это, глупо хихикая в тихом офисе.

-Ты...ты что-то другое, и я просто не думаю, что ... —"

- Я чертов вампир, доктор Пэрриш. Мне все еще нужно кого-то укусить, чтобы заставить тебя поверить?- Разве я не сказала минуту назад, что не причиню ему вреда? Я попыталась сглотнуть, но там не было ничего, что можно было бы проглотить. Мне нужно было поохотиться.

Он откинулся на подушки своего кресла, пока я не смогла представить его распластанным на поверхности уродливой офисной мебели. Но он продолжал настаивать: "ты сказала, что собираешься держать его только до тех пор, пока он не поправится. Я могу это сделать."

-А как ты думаешь, что подумает твоя жена?- Я протестовала, сам не зная, почему я протестую и почему я знаю, что должна протестовать.

Его глаза метнулись к столу, как будто он тоже вспомнил фотографию и ярко-синий шарф, и как ее радость была прожектором, который затмевал все, что он или Я могли чувствовать.

- Согласится ли она принять ребенка со следами укусов по всему телу?- Спросила я. -Или она будет пилить тебя до тех пор, пока ты не позвонишь в социальную службу и все, кто пытался помочь этому ребенку, не попадут под суд за жестокое обращение с детьми?- Я понятия не имела, о чем говорю. Я бормотала все, что приходило мне в голову, но говорила все это настойчиво, как будто это была моя убежденность, а не моя логика.

Но я думаю, что с него было достаточно жены.

Доктор Пэрриш сидел, уставившись на нас обоих, и беспокойство сменилось ужасом. Я подумала, не отложил ли он этот ужас в сторону, чтобы разобраться с ним в более удобное время. Я бы не смогла этого сделать, но у психологов наверняка есть такие трюки.

-Я не знаю, как тебе помочь, - сказал он.

-Я не просила помощи, - ответила я, склонив голову так, что посмотрела на него сверху вниз. -У меня есть другие люди, которые могут помочь, если мне это понадобится."

Мы сидели почти в полном молчании, оба зная, что я лгу. У меня никого не было.

Наконец доктор Пэрриш вскочил на ноги и вышел из кабинета. Он вернулся с номером телефона на листе оранжевой бумаги.

- Моя секретарша Мария пользуется услугами агентства по уходу за детьми. Ее дети очень любят свою няню, - сказал он.

Он протянул мне записку, и я взяла ее у него из рук.

- Спасибо, - сказала я.

http://tl.rulate.ru/book/42190/966135